РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

И.К. Богомолов

РУССКИЕ ПОДДАННЫЕ В АВСТРО-ВЕНГРИИ И ГЕРМАНИИ В ИЮЛЕ–ОКТЯБРЕ 1914 г.

***Аннотация.** В статье анализируется положение русских подданных, в августе 1914 г. застигнутых мировой войной на территории Германии и Австро-Венгрии. Показано противоречивое отношение к русским властей и местных жителей, основные причины перемен в положении русских к началу сентября 1914 г. Доказана значительная роль сюжета о «мытарствах» русских подданных в Центральных державах для конструирования образа врага в прессе и общественном мнении России периода Первой мировой войны.*

***Ключевые слова:** Россия, Германия, Австро-Венгрия, Первая мировая война, русские туристы, образ врага.*

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук,
научный сотрудник ИНИОН РАН.

I.K. Bogomolov. Russian Citizens in Austria-Hungary and Germany in July-October 1914

***Abstract.** The article analyzes the state of Russian citizens, caught by the World War in Germany and Austria-Hungary in August 1914. It studies a controversial attitude of the authorities and local citizens to Russians and the main reasons that changed their position by the early September, 1914. A significant role of the plot about the «ordeals» of Russian citizens in the Central Powers in creating the image of the enemy in press and public opinion of Russia during the First World War has been proved.*

***Keywords:** Russia, Germany, Austria-Hungary, World War I, Russian tourists, the image of the enemy.*

Bogomolov Igor Konstantinovich – candidate of Historical sciences,
Research scientist of the Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian Academy of sciences (INION RAS).

Проблемы военного плена и интернирования вражеских подданных в годы Первой мировой войны привлекают большое внимание современных исследователей. Одна из главных причин – совершенно исключительные масштабы и последствия войны 1914–1918 гг. Даже если учесть дискуссионность вопроса о том, относится ли Первая мировая война к разряду «тотальных» [25], ее важнейшая роль в «тотализации» военных конфликтов новейшей эпохи не вызывает сомнений [30, с. 4]. В числе основных признаков этого процесса было вовлечение в войну самых широких слоев населения. Совершенно новыми были и пути, по которым война входила в жизнь человека. Все большее значение приобретала национальная идентификация, отводившая на второй план «подданство» как формальный признак принадлежности к империи. В 1914 г. большую популярность приобрел взгляд на разразившуюся войну как на столкновение народов, наций и даже рас, вследствие чего зона конфронтации изначально выходила за пределы фронтов и охватывала глубокий тыл воюющих государств. Борьба с «внутренним врагом», расцвет шпиономании и шовинизма привели к тому, что представитель «вражеской» нации не мог чувствовать себя в безопасности в своей родной стране. Тем не менее начало войны не заставило принять необходимых мер предосторожности тех, кто жил и работал на территории новых врагов своей «исторической» родины [31]. Так, в России не спешили закрываться немецкие магазины, газеты, журналы, общества и школы. Среди «русских немцев» поначалу бытовала уверенность, что они как русские подданные имеют полное право оставаться и спокойно жить в России [15, с. 208–209]. Схожие настроения были и у русских туристов, встретивших войну на территории Германии и Австро-Венгрии.

Судьба русских путешественников во вражеских государствах практически обойдена вниманием исследователей. Это приводит к двум крайностям при разработке темы. Одни авторы рассматривают материалы о «немецких зверствах» над русскими едва ли не как доказанные факты, не требующие критического осмысления [33]. Другие исследователи ставят под сомнение саму возможность полноценного исследования темы ввиду того, что подавляющее большинство источников по сути своей необъективны и тенденциозны. В связи с этим стоит отметить, что еще с 1914–1915 гг. источниковая база за редкими исключениями практически не меняется [36]. В 2014–2015 гг., к 100-летию войны, дело ограничилось переизданием некоторых пропагандистских книг и брошюр, в которых затронут сюжет о «мытарствах» русских за границей, но лишь частично и в соответствии со стоявшей тогда задачей демонизации врага [4]. Большая же часть воспоминаний и дневниковых записей русских туристов 1914 г. по теме до сих пор не использовались.

Между тем взгляды русских путешественников на свое пребывание во вражеских странах, на политику правительств и отношение местного насе-

ния различны, а иногда – диаметрально противоположны. Разница во взглядах, при учете личности рассказчика и характера самого источника (формат и задачи издания, его политическую направленность, характер отношений с властями и т.д.), позволяет увидеть многообразную и противоречивую, но целостную картину событий. Исследование данного сюжета важно еще и потому, что именно русские туристы первыми ощутили на себе процессы «тотализации» войны, почувствовав себя «врагом» еще до начала боевых действий и шовинистических кампаний. Фактор «русских шпионов» оказал прямое воздействие на политику властей и настроения общества в Германии. В России же слухи о жестоком обращении немцев с беззащитными соотечественниками стали основанием для переоценки смысла и характера мирового конфликта.

Летний сезон 1914 г. протекал спокойно и в очередной раз подтвердил исключительную популярность в русском обществе немецких и австрийских курортов. Только Карлсбад накануне войны принимал ежегодно десятки тысяч туристов из России [19, с. 52]. В этот период в германских и австрийских городах находились на учебе, гастролях, соревнованиях и в командировках русские студенты, писатели, артисты, музыканты и спортсмены. Выставки и конференции привлекали тысячи туристов и специалистов по разным отраслям знаний. В первой половине 1914 г. только по организованным Обществом распространения технических знаний (ОРТЗ) поездкам Германию и Австро-Венгрию посетили 3148 человек, в том числе Берлин – 1019 человек, Вену – 1214 [45, с. 15]. Значительную часть русского «представительства» в Германии и Австро-Венгрии составляли рабочие, каждое лето пересекавшие границу в поисках сезонной работы. По приблизительным данным, к 1 августа 1914 г. только на территории Германии находились около 250 тыс. русских рабочих [39, с. 241], в основном занятых на полевых работах в пограничных районах Восточной Пруссии. Большое число прибывших из России трудились на различных должностях в австрийских и германских городах и курортах.

Для многих русских подданных срочный незапланированный отъезд зачастую был связан с большими трудностями. Показательна в этом отношении история с русскими шахматистами на международном турнире, начавшемся накануне войны в немецком городе Мангейме. Представители России лидировали в двух группах любителей, А. Алёхин возглавлял турнир мастеров. По словам знаменитого гроссмейстера, слухи об ухудшении международной обстановки русскую делегацию особенно не тревожили, и предупреждению русского консула в Мангейме о серьезности положения поверили немногие. Большинство же предпочло продолжить турнир и не отвлекаться на «посторонние вещи» [7]. Среди сторонников этой тактики были и немецкие

гроссмейстеры. Так, легендарный шахматист Зигберт Тарраш, даже на фоне начавшейся в Германии мобилизации, настаивал на продолжении игры, ссылаясь на аналогичное решение организаторов турнира в Баден-Бадене во время франко-прусской войны 1870 г. [26, с. 43].

Значительная часть туристов отправилась за границу в последний месяц мира, нередко – в последние его недели и дни [36, с. 75]. Кратчайший путь в Париж через Берлин выбрал в эти дни и русский посол во Франции А.П. Извольский, так же поступали и многие другие чиновники и представители высшей знати [17, с. 90]. Для каждого из них «все было, в сущности, ясно: назревал международный конфликт. Но сердце упорно не хотело не только принять его, но поверить в его возможность» [14, с. 144].

Публиковавшиеся в немецких и австрийских газетах новости были зачастую крайне противоречивы, но, казалось, что очередной кризис вновь «заблуждают дипломаты» [28]. Убеждения немцев и австрийцев в разорительности и бессмысленности войны слышались «со всех сторон, в вагонах, ресторанах, в разговорах между знакомыми» [4, с. 26]. Многие путешественники стали свидетелями многотысячных антивоенных манифестаций, которые только укрепляли веру, что «и на этот раз» война не примет общеевропейских масштабов [4, с. 35]. Эти надежды усиливали и «шовинистические выступления», имевшие «вид, очень далекий от чего-то серьезного, с чем действительно следовало бы считаться» [29, с. 11]. Именно так воспринял произошедшее незадолго до войны сожжение на площади в Киссингене макета Кремля генерал А.А. Брусилов. Брусиловы испытали «тяжелые впечатления от... немецкой наглости», но не собирались прерывать лечение, так как «еще не отдавали себе настоящего отчета о положении вещей» [2, с. 48]. Решение о выезде из Германии Брусилов принял только 28 июля 1914 г. вопреки заверениям князя Ф.Ф. Юсупова в том, что войны не будет [2, с. 48].

Особенно сильно разницу в настроениях прессы и основной массы населения чувствовали туристы. Судя по их воспоминаниям, обстановка на курортах не только не менялась, но наоборот, под «бодрый оптимизм немецких официозов», становилась еще более располагающей [46]. В результате многие отдыхающие до последнего не поддавались на уговоры своих осторожных соотечественников и отказывались покидать курорты, так как попросту не видели причин для «бегства» [49, с. 5]. В этом их всячески поддерживали хозяева курортов и отелей, не заинтересованные в разгар сезона потерять значительную часть клиентов. Администрация отелей гарантировала своим гостям полную безопасность и заботу о них «чуть ли не именем австрийского правительства» [3, с. 103]. Постояльцы с готовностью внимали этим словам, будучи уверены, что «Вильгельм с Николаем расцелуются, и большой войны не будет» [20, с. 128]. Это отражалось и на настроениях в России. Между тем управляющий генконсульством России в Вене Е.С. Протопопов в своем докладе

в МИДе отметил, что сразу после объявления Австрией ультиматума Сербии австрийцы практически перестали запрашивать визы в Россию. Но русские туристы «с непонятной беспечностью все продолжали прибывать на территорию Австрийской империи» [27, с. 426].

Последние июльские дни 1914 г. заставили русских туристов обратить гораздо более серьезное внимание на международное положение в Европе. Быстро распространялись слухи о срочном выезде находившихся в Австро-Венгрии и Германии высших сановников, крупных банкиров и членов императорской фамилии. Даже размеренная курортная жизнь не могла оградить туристов от многочисленных манифестаций, нарастающего беспокойства на улицах и на вокзалах; невозможно было игнорировать и «воинственные» газетные заголовки. Уже 31 июля немецкие и австрийские банки начали отказывать в обмене валюты и выдаче денежных переводов из России, в то время как запасы наличных марок у многих туристов быстро таяли.

Туристов задерживали и слухи о крайне напряженной ситуации на железнодорожном транспорте, о переполненных поездах, панике и неразберихе на вокзалах. Осложнился и выбор направления выезда на родину. Наиболее безопасным считался путь через Швейцарию и Италию, однако он включал не только железнодорожные, но и морские переправы. Тех, кто все же решился на путешествие по Средиземному морю и по нейтральной территории, ждали переполненные вокзалы, пристани и гостиницы, отсутствие билетов на пароходы и поезда [45, с. 45]. Вторым вариантом был проезд по железной дороге через Берлин и Восточную Пруссию. Этот путь стоил дешевле и был гораздо быстрее и привычнее для русских путешественников: граница с Германией в отличие от границы с Австрией еще не была закрыта [43, с. 55]. Как пишет журналист И.Н. Холчев, он решил вместе с другими русскими туристами поехать в Берлин, «рассудив, что там... мы скорее найдем охрану и достанем билеты до России» [3, с. 102]. Однако это преимущество Берлина обернулось для русских еще большими трудностями. С 30 июля по 1 августа в немецкой столице скопились десятки тысяч русских подданных, фактически они парализовали работу центрального вокзала. В результате большинство из них не успели воспользоваться последними прямыми поездами в Россию и оказались в одном из важнейших центров германской мобилизации. Те, кто сумел выехать по направлению к пограничному русскому городу Александру, в большинстве случаев задерживались в Торне и других восточно-пруссских городах. Известный историк Н.И. Кареев, к примеру, считал удачей тот факт, что был задержан в Дрездене, а не в Берлине, где, «конечно, попал бы на несколько дней в тюрьму» [4, с. 12].

Отказ русских туристов покидать вражеские государства был зачастую связан с их откровенным нежеланием менять свои планы [49, с. 5]. Для многих из них это была первая поездка в Европу, редкая возможность «вырваться

из ограниченного мира... своего медвежьего уголка России» [45, с. 17]. К тому же они были уверены, что немцы и австрийцы не допустят грубого обращения с теми, кто к войне никакого отношения не имеет. «Ведь есть же разум и совесть не только у людей, но и у народов. Ведь в двадцатом веке мы, наконец, живем!», — воспроизводил свои эмоции в тот момент юрист Н.П. Карабчевский [17, с. 22]. Мысль о том, что «если бы даже и война, то ведь все же мы живем в XX веке», разделяла в эти дни и Л. Гуревич [14, с. 145].

Однако германские и австрийские власти видели ситуацию по-другому: прежде всего они не хотели дать возможность выехать в Россию военным, в том числе отставным. Границы были закрыты и для тысяч мужчин призывного возраста — рабочих, служащих, моряков. Многие из них получили статус военнопленных и покинули Германию и Австро-Венгрию только уже после войны.

Массовый и быстрый выезд русских был возможен только при постоянном сообщении с Данией, Швейцарией и Италией, однако власти этих стран не собирались жертвовать подвижным составом. Редкие пассажирские поезда после 1 августа передвигались в основном только по территории Германии и Австро-Венгрии. Но в них попасть было почти невозможно. «В купе ехало по 15–20 человек, всю дорогу стояли даже в уборных, некоторых втаскивали в окошки, тогда как других новые волны беглецов выталкивали с занятых мест на платформу», — вспоминал застигнутый войной в германии философ Б.А. Гуревич [13, с. 123].

Сложившаяся на железных дорогах обстановка серьезно беспокоила германские и австрийские власти: во-первых, пассажирские составы затрудняли ход мобилизации, а во-вторых, существовала опасность, что за границу сумеют выехать обладатели военных тайн и ценных сведений. Нельзя сказать, что к подобному развитию событий не готовились, полиция и контрразведка располагали достаточной информацией о находившихся в Германии и Австро-Венгрии военных чинах, агентах, «враждебно настроенных» иностранных журналистах. Многие из них были арестованы практически сразу после начала войны [39, с. 240]. Но, например, военному атташе в Берлине полковнику П.А. Базарову удалось выехать из Германии вместе с русским посольством.

Особое опасение у немцев вызывали русские подданные. С одной стороны, среди них могли находиться шпионы и диверсанты, с другой — значительную часть составляли женщины и дети, а большинство мужчин в силу возраста и состояния здоровья не могли быть призваны даже в тыловые части. Противоречивость и непоследовательность действий немцев бросалась в глаза многим путешественникам [53]. Неоднократными были случаи, когда в течение дня туристы получали разрешение на выезд от одного чиновника, но через некоторое время задерживались другим [16].

Тем не менее стремление максимально засекретить мобилизационные мероприятия и не допустить утечки важной информации побуждали немцев принимать самые решительные меры. Уже 2–3 августа 1914 г. германские и австрийские власти начали препятствовать выезду всех вражеских подданных, включая женщин и детей. Формально эти задержки могли быть временными, но решение оставалось за конкретными чиновниками или полицейскими и зависело от многих субъективных факторов.

Значительное влияние на отношение к вражеским подданным оказывала усиливающаяся шпиономания. Призывая граждан к ловле шпионов, все воюющие правительства стремились резко поднять «патриотические» настроения. Ситуация в Германии и Австро-Венгрии в этом смысле имела свои особенности. Согласно популярной в предвоенной Германии теории «вражеского окружения» [52, с. 100], вероломному нападению на Центральные державы¹ предшествовала активная разведывательная деятельность противников, и в этом смысле большое количество застигнутых войной за границей русских приходилось для властей очень кстати.

Немецкая и австрийская печать активно распространяла слухи о наличии разветвленной шпионской сети, подготовленной Петербургом для срыва мобилизации в стане своих противников. Особенно сильно это сработало в Берлине, где к 1 августа 1914 г. скопилась значительная масса русских подданных, которые к тому же предпочитали действовать и передвигаться по городу группами. Места их наибольшего скопления (здания посольств и консульств, берлинский магистрат, полиция) были хорошо известны и служили «настоящей ловушкой» для полиции и городской толпы [45, с. 63]. Результатом стали многочисленные уличные инциденты, избиения, принудительная доставка «русских шпионов» в полицейские участки. Нападению на улицах Берлина подверглись чины русского посольства, отъезжавшие из Германии [27, с. 719]. Попытки укрыться в отелях также были в большинстве случаев безуспешны: среди местного населения быстро распространялись сведения о местах проживания русских. В воспоминаниях неоднократно описывалось, как их забрасывали камнями, как громили отели и пансионы, где останавливались туристы из России [17, с. 98].

Захлестнувшая Германию шпиономания быстро вышла из-под контроля властей и стала создавать больше проблем, чем пользы. Пресса стран Антанты публиковала анекдотичные истории о поиске по всей Германии машины, «набитой русским золотом», о стрельбе в городах по облакам, принятым за дирижабли, и по звездам, принятым за вражеские световые сигналы [42]. Даже если учесть, что эти истории в основном были преувеличением или пропа-

1. В годы Первой мировой войны Центральными державами обычно называли Германию и Австрию.

гандистским мифом, они в определенной степени отражали настроения в немецком обществе. Убежденность в засилии вездесущих русских и английских шпионов разделяли и властные верхи, требовавшие от местных гражданских и военных чинов особой бдительности. В результате «до выяснения обстоятельств» в тюрьмы попадали не только мужчины, но и женщины, причем нередко их разделяли с мужьями и детьми [45, с. 63]. Предлогом для ареста могли послужить прогулки по городу, находка при обыске отрывков писем и просто «подозрительный вид» [17, с. 94]. Аресту подверглись самые разные люди, в обычной жизни объединенные разве что только национальной принадлежностью. «А кого только нет среди нас! Князь, граф, барон, тайный советник, камер-юнкер, члены Государственной думы...», — вспоминал С. Знаменский свое пребывание в Ростке [45, с. 93].

Нельзя сказать при этом, что местные чиновники и военные арестовывали русских исключительно из-за своей ненависти к ним. «Я не думаю..., чтобы тут было намеренное издевательство со стороны властей, — полагал Н.И. Кареев, — ибо видел..., как им самим хотелось бы поскорее нас сплавить» [18, с. 102]. Решающее значение имело стремление «выслужиться» и боязнь прослыть в глазах начальства и населения слишком «мягким» по отношению к врагам [5]. А вот туристка А.И. Страхович, например, отмечала, что на желании русских выехать из Германии «нагревали руки» многие немецкие чиновники.

Благосклонность официальных лиц далеко не всегда объясняется только материальными мотивами. Так, утром 3 августа 1914 г. в полицию Вены за советом, «как быть нам, русским эмигрантам», обратился Л.Д. Троцкий. Там ему сообщили, что со дня на день выйдет приказ об аресте всех без исключения сербов и русских. По совету полицейских и с помощью лидера австрийских социал-демократов Виктора Адлера в тот же день Троцкий выехал в Швейцарию [50, с. 231]. В отличие от Троцкого, В.И. Ленин не избежал репрессий австрийских властей. Находившийся к началу войны в галицийской деревне Поронин, Ленин был обвинен местным старостой в шпионаже в пользу России и 8 августа арестован. Подозрительность старосты сочеталась с настроениями местных жителей, для которых Ленин в первую очередь был русским, а не борцом с царизмом. При обыске ленинской квартиры жандармский вахмистр принял статистические данные в статье по аграрному вопросу за зашифрованную запись [11, с. 17].

В тюрьме городка Новый Тарг (Галиция) Ленин не только обдумывал «задачи и тактику партии большевиков» [23, с. 559], но и направил письмо директору краковской полиции с просьбой «во избежание недоразумений» подтвердить, что он является политическим эмигрантом и социал-демократом [24, с. 2]. Австрийская полиция изначально давала понять, что удерживать Ленина нет никаких оснований и его освобождение было вопросом времени [11, с. 18]. Тем не менее соратникам следовало торопиться: об

аресте Ленина стало известно петербургскому градоначальству, которое обязало штаб Юго-Западного фронта в случае занятия Нового Тарга передать Ленина русской полиции [22, с. 150]. 11 августа Н.К. Крупская обратилась за помощью к В. Адлеру. Обращение не осталось без внимания, Адлер дважды ходатайствовал за Ленина перед министром внутренних дел Австро-Венгрии. Уже через десять дней после ареста Ленин был освобожден «за отсутствием оснований для возбуждения судебного преследования», уехал в Краков, а затем, без особых препятствий, – в нейтральную Швейцарию [23, с. 482]. Австрийское правительство справедливо рассудило, что на свободе «Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях» [21, с. 161].

Если заинтересованность Берлина и Вены в русских социал-демократах объяснима, то некоторые другие случаи освобождения из германского плена остались для современников загадкой. Проходивший в Германии курс лечения от тяжелой болезни юрист и философ Б.А. Гуревич так описывал процедуру своего осмотра специальной комиссией: «Больных... принимают сурово, недоверчиво, чахоточных считают годными к военной службе, близоруким объясняют, что они годны в офицеры. Редко кому удается получить желанную бумагу – негоден к службе, может выехать из Германии. И мы ведем бумажную войну... сочиняем изумившие бы нас самих в другое время доводы» [13, с. 129]. Шахматист Ф. Богатырчук на подобной комиссии «начал врать с таким бесстыдством, какого доселе никогда в себе не замечал», заявив об обморожении пальцев на ногах и боли в животе после игры в футбол. К своему большому удивлению, он получил разрешение на выезд, притом, что некоторые его коллеги-шахматисты, негодные к службе, вынуждены были остаться в Германии [26, с. 45]. По воспоминанию Н.П. Карабчевского, некоторым русским призывного возраста «стоило немалых денег», чтобы комиссия «нашла» у них различные болезни, при этом ни заключение комиссии, ни даже отметка в паспорте «выезд разрешается» не гарантировали выезд [17, с. 122].

Неоднозначно оценивали русские туристы и отношение к себе рядовых немцев и австрийцев. С одной стороны, в воспоминаниях и свидетельствах приводится множество примеров проявлений враждебности населения к русским. Многих туристов не только избивали на улицах, но и выселяли из отелей и пансионов, отказывали в обслуживании. Презрение к себе русские туристы испытывали со стороны официантов, лакеев, лавочников, еще неделю назад бывших вежливыми и почтительными [40]. С другой стороны, были и примеры помощи, защиты от полиции и толпы. За долгую и сложную дорогу домой русские путешественники неоднократно встречали в Германии и Австрии «проявления истинно человеческой чуткости, и трогательные, побеждающие действительность, отношения» [13, с. 116]. Однако об этих случаях приходилось упоминать «как о чем-то особенном» [49, с. 41].

В основном же речь шла не столько о враждебности, сколько о безразличии [9]. Большинство немцев не хотели участвовать в избиениях ни в чем не повинных людей, но при этом боялись обвинений в пособничестве врагу. Поэтому помощь была, как правило, скрытой и спонтанной [45, с. 90].

Вместе с тем большинство хозяев отелей и пансионатов – для кого русский туризм был доходным делом – поначалу не только не выгоняли русских гостей, но всячески уговаривали их остаться, однако волна шпиономании и ежедневные уличные манифестации все же сделали свое дело. В первые дни августа 1914 г. русские подданные повсеместно столкнулись со стремлением хозяев избавиться от них. Главным предлогом стала неспособность многих гостей оплачивать дальнейшее проживание. Тем же, кто мог платить, откровенно говорили о боязни репрессий со стороны властей и улицы [17, с. 104]. Случалось, что владельцы использовали все доступные средства, чтобы оставить русских у себя [49, с. 45].

К концу своего первого месяца война становилась обыденностью, победы уже не вызывали у немцев и австрийцев первоначальных восторгов, постепенно менялось и отношение местных жителей [45, с. 100]. На первый план выходили экономические проблемы, вследствие чего шпиономания и вообще интерес к русским пошли на убыль. В немалой степени этому способствовали власти, которые в сентябре 1914 г. значительно ослабили контроль над вражескими подданными [36, с. 75]. Н.И. Кареев признавал: «Правительственное удостоверение, что мы не лазутчики и не отравители, сделало свое дело, и мимо нас люди проходили равнодушно, когда мы несколько забывались и говорили на родном языке» [18, с. 93].

В результате оставшиеся в Германии и Австро-Венгрии русские подданные возвращались к жизни, в общих чертах похожей на довоенную. Прежде всего они получили возможность поселиться где им угодно и свободно перемещаться по улицам. Правила пребывания вражеских подданных по-разному трактовались в разных городах и местностях. Если в Ростове обязательным условием была только ежедневная отметка в комендатуре в 8 часов вечера, то, например, в Гамбурге русские не имели права собираться на улице группами, говорить в публичных местах на русском языке и уезжать из города без особого на то разрешения. Исключения составляли только поездки во Франкфурт для посещения местного испанского консульства. Малейшее отклонение от этих правил грозило тюремным заключением [17, с. 75].

Однако вместе с облегчением режима немецкие и австрийские власти практически полностью сняли с себя попечение о вражеских подданных (за исключением военнопленных). Магистраты отказывали в предоставлении пособий, мотивируя это большим количеством нуждающихся среди местных жителей [45, с. 62]. Чтобы заработать, женщины устраивались горничными и нянями, некоторые уходили в больницы и приюты для бедных [17, с. 63].

В ответ на свалившиеся беды русские стали объединяться для взаимной помощи и поддержки. Так, в Ростке группа из нескольких сотен русских создала совет старост, распределявший «хлебный фонд» для поддержки малоимущих, общую кассу, куда стали поступать денежные переводы из России. Задержанные в Ростке организовали небольшую библиотеку, шахматный кружок и курсы по изучению английского языка, выпустили даже один номер рукописного журнала под названием «Пленник» [45, с. 96]. Бедность и нужда заставляли «отбрасывать всякие предрассудки», учиться стирать, шить, самостоятельно вести хозяйство. «Непривычные к физическому труду, мы страшно уставали от этого и тратили времени гораздо больше, чем надо... Заправской прачке, вероятно, противно было бы смотреть на мою работу», – вспоминала свою жизнь в германской столице А.И. Страхович [49, с. 65].

Защиту интересов России и ее подданных в Германии и Австро-Венгрии взяла на себя нейтральная Испания. Испанские посольства в Берлине и Вене, а также консульства в других городах вели сбор информации о русских подданных, ходатайствовали об их освобождении из заключения, о переводе им денег и выезде на Родину [37, с. 68]. В решении этих трудных задач испанские дипломаты в Центральных державах изначально столкнулись с огромными организационными трудностями, нехваткой людей и средств. В первые дни войны посольство Испании посещали сотни русских подданных, для многих из них это было буквально последнее пристанище.

Во многом благодаря активной деятельности испанских дипломатов уже в начале августа 1914 г. в Петербурге были получены по телеграфу первые списки находящихся во вражеских государствах русских подданных. МИД опубликовал эти материалы, всего было четыре списка, датированные периодом с 26 июля по 30 сентября 1914 г. (по старому стилю). Первый список оказался самым внушительным по объему: только в отделе «Германия» перечислено более 2500 человек. Помимо имени и фамилии (нередко – только фамилии) указывалось место нахождения человека и запрашиваемая им сумма. Последующие списки уменьшались по мере выезда русских подданных на Родину. Так, в четвертом списке в отделе «Германия» числится только 355 человек, при этом больше половины отмечены как выехавшие, часть мужчин отмечена как «военнопленные», некоторые помечены как раненые и умершие. Списки увеличивались только в отделе «Дания» вследствие организованного массового выезда из Германии через эту нейтральную страну. Не уменьшались и списки находившихся в Бельгии и Швейцарии; туда многие русские сумели выбраться самостоятельно, однако на дальнейший путь не хватало средств, которые и запрашивались с указанием адреса и счета. В последних двух списках помещалось уже больше информации, например «здоров, Париж, вступил в иностранный полк» [48, с. 32], «здоровье лучше в настоящее время, благодарит за деньги» [48, с. 2].

Помощь оказывалась и из России. Ю.Я. Соловьев, до августа 1914 г. служивший советником русского посольства в Мадриде, после начала войны был переведен в Петербург. В МИДе ему было поручено возглавить справочный стол для оповещения близких и родственников оставшихся в Германии и Австро-Венгрии русских [27, с. 361]. Соловьев вынужден был отказаться от личных встреч и завел систему коллективных приемов, так как большинству «приходилось говорить почти одно и то же, к сожалению, малоутешительное» [47, с. 257]. Но со временем Соловьеву удалось наладить дело, и каждый задержанный во вражеских странах русский подданный мог теперь ежемесячно получать до 300 руб., в исключительных случаях пересылалось 500 руб. В первый же день открытия этих операций родные и близкие перечислили справочному столу около 45 тыс. руб. [47, с. 258].

Тем временем в самой Германии русские делали попытки самоорганизации и взаимодействия с дипломатами и властями. На второй день войны Н.И. Кареев и группа русских туристов в Дрездене попросили о помощи местного испанского консула, однако тот сослался на отсутствие распоряжений из посольства и признался, что он «как немец» оказывать помощь русским не собирается [18, с. 91]. Обратившись в испанское посольство в Берлине, Кареев получил в ответ «официозное письмо», согласно которому вся судьба русских подданных находится исключительно в руках немцев [18, с. 94]. Тогда Кареев обратился к своему коллеге, немецкому историку профессору Теодору Шиману, известному своими антирусскими высказываниями [52, с. 80]. Тем не менее Шиман с готовностью откликнулся на просьбу и сообщил о ситуации в имперскую канцелярию [18, с. 97]. 9 августа 1914 г. Кареев выехал в Берлин для участия в совещании по поводу судьбы русских подданных в Германии. На совещании в здании «Дойче банка» присутствовали около 30 человек, среди которых были, в частности, издатель И.А. Ефрон, князь Д.И. Бебутов, инженер Ф.Е. Енакиев, член Думы А.И. Чхенкели. Помимо именитых русских в специально образованную комиссию вошли немецкие ученые – Т. Шиман, доктор права Бернгард Кан, историки Гуго Симон и Эдвард Фукс. Они значительно облегчили работу с магистратами, комендатурами и отдельными чиновниками. На первом заседании комиссии было решено создать два комитета: для сбора денег и для их распределения между русскими подданными в виде пособий.

Во многом благодаря работе комиссии уже к середине августа 1914 г. вопрос о массовом выезде русских из Германии был принципиально решен Берлином. Для обсуждения организационных вопросов на расширенном совещании от комиссии были представлены Кареев, Енакиев, Кан, Симон и Фукс. Они составили свои списки отъезжающих и порядок распределения мест и билетов, согласно которому каждый поезд состоял из вагонов трех классов, на 400 мест в I и II классах, и на 800 – в III классе. Каждый пассажир

I класса должен был оплатить проезд двух пассажиров III класса, а каждый пассажир II класса – по одному пассажиру III класса. Так предполагалось увезти наибольшее количество людей в одном поезде. Однако уже на начальном этапе в распределение вмешалась берлинская комендатура. Были значительно изменены и списки отъезжающих, многих перевели на более поздние сроки отправления. Так, по замыслу Кареева, с первым поездом должны были уехать 130 учительниц – экскурсанток ОРТЗ, однако в составленном комендатурой списке их осталось только 55, причем билет действовал не до Петербурга, как планировалось, а только до шведского города Евле. Жалобы и протесты русских членов комиссии не принимались: их попросту не пускали в комендатуру [18, с. 100].

Несмотря на все организационные трудности и препятствия 23 августа первый «русский» поезд отправился из Берлина. С собой запрещалось провозить фотоаппараты, любые бумаги и письма. Позднее специальные составы с русскими стали уходить и из других городов Германии. К середине осени 1914 г. большая часть русских подданных – женщин, детей и мужчин, не подлежавших призыву, – выехала с территории Германии и Австро-Венгрии [27, с. 488].

Однако каким бы ни был путь на Родину, он в большинстве случаев сопровождался сильнейшим стрессом, психологическими и физическими травмами. Важно отметить, что на представления русских о «мытарствах» и «мучениях» большое влияние оказывали имущественное положение и социальный статус. Привыкшие к совершенно другому отношению, состоятельные и именитые русские подданные зачастую преувеличивали враждебность к себе со стороны немцев и недооценивали морально-психологический эффект от начала войны. Для этой части русских туристов, и вообще для женщин и стариков «немецкими зверствами» были не только физическое воздействие (избиения, насилие, закидывание камнями и т.п.), но и разнообразные формы «издевательств» и морального унижения [6]. С особым недовольством в русской прессе сообщалось, к примеру, о задержке поезда вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, или об «умышленном курении» немецких солдат в купе великого князя Константина Константиновича [8].

Воспоминания рядовых туристов зачастую либо не были записаны, либо оставались на страницах дневников. В лучшем случае их свидетельства были опубликованы позднее, в конце 1914 – начале 1915 г., в различных сборниках и малотиражных изданиях.

Попытки документально подтвердить факты жестокого обращения с русскими туристами начались только с середины 1915 г. Эта задача была возложена на созданную 4 мая 1915 г. «Комиссию для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками» – Чрезвычайную следственную комиссию (ЧСК). Формально ЧСК должна была

получать сведения о военных преступлениях от армейского командования, бывших военнопленных, а также от отдельных лиц, находившихся в Германии и Австро-Венгрии после начала войны. Однако на практике командование из соображений секретности не спешило делиться с Комиссией сведениями [1, с. 41]. Не проявили большой активности и сами путешественники: в фонде ЧСК обнаружены всего два дела – о пребывании в германском плену русского консула в Кёнигсберге З.М. Поляновского и члена Думы А. Алёхина [44]. Обращение ЧСК за свидетельствами именно к ним объясняется тем, что Поляновский и Алёхин были выпущены значительно позднее основной части русских подданных (в октябре 1915 и начале 1916 гг. соответственно).

Возвращение основной части русских подданных из Германии и Австро-Венгрии происходило на фоне роста германофобии в русской прессе и в обществе в целом. Постепенно менялись акценты в интерпретации истоков и причин начала войны: от кайзера и его окружения вина за развязывание конфликта перекладывалась на весь немецкий народ. Ведущую роль в этом играли националистические издания («Новое время», «Свет», «Голос Руси», «Московские ведомости» и др.) [38]. В этом смысле сюжет о жестоком обращении с русскими туристами в Германии пришелся очень кстати и попал на благодатную почву. На примерах отношения немцев к русским туристам доказывалось, что война изначально выходила за рамки армий и фронтов, «спустилась» на бытовой уровень и вообще была не обычным конфликтом между правителями, а «решающей битвой славянства и германизма» [12].

Соответствующей была и репрезентация сюжета о русских в Германии: всеобщее «озверение» немцев и практическое отсутствие фактов доброжелательного отношения или помощи [34]. Опубликованные в националистической прессе воспоминания туристов нередко подвергались правке и сокращению, предпочтение отдавалось тем рассказам и отдельным местам из них, которые «содержат негатив по отношению к Германии» [51, с. 181]. В таком же виде свидетельства русских туристов попадали на страницы пропагандистских книг и брошюр о «немецких зверствах». Характерна структура большинства из этих изданий: в начале повествования обязательно упоминались «мытарства» русских в Германии и Австро-Венгрии и только затем следовали военные преступления армий. Благодаря этому складывалась прямая сюжетная и логическая связь: «немец», еще недавно участвовавший в издевательствах и насилиях над русскими туристами, отправляется на фронт, где совершает аналогичные преступления. Именно поэтому «зверства» преподносились как «немецкие», и совершали их «немцы», под которыми подразумевались и военные, и гражданское население.

Однако не вся русская печать участвовала в этой «демонизации» немецкого народа. Ведущие либеральные издания («Русское слово», «Речь», «Русские ведомости», «День» и др.) изначально считали войну порождением

германского милитаризма [35]. Нападки на немцев исключительно за их национальную принадлежность эти газеты считали необоснованными и несправедливыми. Нараставшей антинемецкой истерии они противостояли в том числе с помощью публикации тех воспоминаний, где нередко встречались примеры доброжелательного отношения немцев к русским туристам [10]. Несогласие с огульным обвинением немцев и австрийцев в преступлениях их правительств высказывалось и в обществе. Так, М.М. Пришвин 13 августа 1914 г. оставил следующую запись в дневнике: «Приехал [Лев] Шестов (из Германии. — *И. Б.*) и подтвердил все мои соображения и предчувствия..., что никаких особенных зверств нет, просто тяжелое путешествие в военное время» [41, с. 84].

Германофобия стремительно охватывала русское общество. К началу сентября 1914 г. в прессе разгорелись серьезные дискуссии, в которых сторону «националистической» интерпретации характера войны занимало все большее число либеральных журналистов. Один из них, В.Г. Тардов (Т. Ардов) на страницах газеты «Утро России» признавал: «Мы воюем... не с правительством... не с “измами”, присущими германскому “рейху”, а с народом, который породил все эти феномены» [32]. В этой перемене настроений, в росте германофобии и последовавшей затем борьбе с «немецким засильем» важнейшую роль сыграла судьба десятков тысяч русских подданных, застигнутых Мировой войной в тылу вражеских государств.

Библиография

1. Асташов А.Б. Нарушение законов и обычаев на Русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 1914. № 2. С. 35–46.
2. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Вече, 2013. 286 с.
3. Быховский В.В. Немецкие зверства (рассказы потерпевших и очевидцев). М.: С.Ф. Гришин, 1914. 104 с.
4. В немецком плену. М.: ГПИБ, 2015. 221 с.
5. В Ростке // Русские ведомости. 1914. 5 сентября.
6. В стране дикарей // Новое время. 1914. 14 августа.
7. Вечернее время. 1914. 13 октября.
8. Вечерняя хроника // Новое время. 1914. 8 августа.
9. Возвращение на родину // Русские ведомости. 1914. 6 августа.
10. Впечатления о Германии накануне объявления войны // Русские ведомости. 1914. 6 августа.
11. Ганецкий Я.С. О Ленине: Отрывки из воспоминаний. М.: Партиздат, 1933. 79 с.
12. Германская культура // Новое время. 1915. 9 апреля.
13. Гуревич Б.А. В плену // Русская мысль. 1915. Кн. 2.
14. Гуревич Л. Возвращение домой // Русская мысль. 1914. Кн. 10.
15. Дёнингхаус В. Революция, реформа и война. Немцы Поволжья в период заката Российской империи. М.: РОССПЭН, 2015. 327 с.
16. Зверства немцев // Новое время. 1914. 12 августа.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

17. Карабчевский Н.П. Мирные пленники. В курортном плену у немцев. Пг.: Тип. Т-ва Екатеринбург. печ. дела, 1915. 132 с.
18. Кареев Н.И. В недавнем плену у немцев // Русские записки. 1914. № 1. С. 89–103.
19. Крючков И.В. Карлсбад: Взлет и падение имперского курорта // Туризм и культурное наследие: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 5. С. 45–53.
20. Кудрявцев Ф. Повесть о моей жизни. СПб.: Звезда, 2014. 316 с.
21. Ленин в жизни: Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. 637 с.
22. Ленин в Италии, Чехословакии, Польше: Памятные места. М.: Изд-во полит. литературы, 1986. 171 с.
23. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 26. М.: Изд-во полит. литературы, 1969. 707 с.
24. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 49. М.: Изд-во полит. литературы, 1964. 591 с.
25. Магадеев И.Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 3–16.
26. Мангейм-1914 // Шахматы в СССР. 1991. № 11.
27. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула: Аквариус, 2014. 960 с.
28. Мобилизованная Европа // Современное слово. 1914. 19 июля.
29. Могилевский Е.А. Дневник заложника: 7 месяцев плена в Карлсбаде. Пг.: Тип. «Двигатель», 1915. 226 с.
30. Нагорная О.С. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии / Дис... д-ра ист. наук. Челябинск, 2011.
31. Накануне // Современное слово. 1914. 18 июля.
32. Наше мщение // Утро России. 1914. 27 августа.
33. «Немецкая армия... может конкурировать с воинами каннибалов» // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 21–31.
34. Озверевшие немцы // Новое время. 1914. 11 августа.
35. Охота на немцев // Русские ведомости. 1914. 12 октября.
36. Паликова Т.В. М.В. Танский о пребывании русских в Германии в начале Первой мировой войны // Вестник Бурятского университета. 2014. № 7. С. 74–78.
37. Петрова А.А. Посредническая и гуманитарная деятельность Испании в годы Первой мировой войны в восприятии российской общественности (по материалам газеты «Новое время» за 1914–1917 гг.) // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 68–73.
38. Письма к близким // Новое время. 1914. 27 сентября.
39. Плохотнюк Т.А. Российско-германские трансграничные перемещения населения (1871–1925 гг.): Историко-компаративный анализ. Дис... доктора ист. наук. Ставрополь, 2004.
40. Претерпевшие в Германии ученицы гимназии // Новое время. 1914. 13 октября.
41. Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. СПб.: Росток, 2007. 604 с.
42. Прокламация штутгартского полицмейстера // Новое время. 1914. 11 сентября.
43. Резанов А.С. Немецкие зверства. Пг.: М.А. Суворин, 1914. 220 с.
44. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13159. Оп. 4. Д. 222. 860.
45. Русские учителя за границей. Возвращение домой. М., 1915.
46. С последним поездом // Речь. 1914. 29 июля.
47. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. М.: Соцэкгиз, 1959. 415 с.

48. Список русских подданных, застигнутых войной за границей. Вып. 4 (с 13 по 30 сентября 1914 года). Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1914. 44 с.
49. Страхович А.И. В Берлине во время войны. Пг.: Жен. тип., 1914. 88 с.
50. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. 624 с.
51. Филимонов В.А. Н.И. Кареев и Первая мировая война: Взгляд очевидца и рефлексия историка // Образ войн и революций в исторической памяти: Материалы Междунар. науч. конф., Пятигорск, 24–25 апреля 2009 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 178–186.
52. Цимбаев К.Н. Великая Германия. Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. М.: РГТУ, 2015. 258 с.
53. Черная книга о жестокости немецкой. Пг.: Тип. «Грамотность», 1915. 96 с.
54. Якубовский М.И. 190 дней в Чертовой башне. Впечатления и переживания пленного русского чиновника в Вене. Пг.: Библиотека Великой войны, 1915. 80 с.

References

- Astashov A.B. Narushenie zakonov i obycheev na Russkom fronte Pervoj mirovoj (po materialam rossijskoj Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii) // Novaja i novejschaja istorija. 1914. N 2. P. 35–46.
- Brusilov A.A. Moi vospominanija. M., 2013. 286 p.
- Byhovskij V.V. Nemeckie zverstva (rasskazy poterpevshih i ochevidcev). M.: S.F. Grishin, 1914. 104 p.
- Chernaja kniga o zhestokosti nemeckoj. Petrograd: Tip. «Gramotnost'», 1915. 96 p.
- Cimbaev K.N. Velikaja Germanija. Formirovanie nemeckoj nacional'noj idei nakanune Pervoj mirovoj vojny. Moscow: RGGU, 2015. 258 p.
- Djonninghaus V. Revoljucija, reforma i vojna. Nemcy Povolzh'ja v period zakata Rossijskoj imperii. Moscow: ROSSPJeN, 2015. 327 p.
- Filimonov V.A. N.I. Kareev i Pervaja mirovaja vojna: Vzgljad ochevidca i refleksija istorika // Obraz vojn i revoljucij v istoricheskoj pamjati: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., Pjatigorsk, 24–25 aprlja 2009 g. Pjatigorsk: PGLU, 2009. P. 178–186.
- Ganeckij Ja.S. O Lenine: Otryvki iz vospominanij. Moscow: Partizdat, 1933. 79 p.
- Germanskaja kul'tura // Novoe vremja. 1915. 9 aprlja.
- Gurevich B.A. V plenu // Russkaja mysl'. 1915. Kn. 2.
- Gurevich L. Vozvrashhenie domoj // Russkaja mysl'. 1914. Kn. 10.
- Jakubovskij M.I. 190 dnei v Chertovoj bashne. Vpechatlenija i perezhivanija plennogo russkogo chinovnika v Vene. Petrograd: Biblioteka Velikoj vojny, 1915. 80 p.
- Karabchevskij N.P. Mirnye plenniki. V kurortnom plenu u nemcev. Pg: Tip. T-va Ekateringof. pech. dela, 1915. 132 p.
- Kareev N.I. V nedavnem plenu u nemcev // Russkie zapiski. 1914. N 1. P. 89–103.
- Krjuchkov I.V. Karlsbad: Vzlet i padenie imperskogo kurorta // Turizm i kul'turnoe nasledie: Mezhdunar. sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2008. Vyp. 5. P. 45–53.
- Kudrjavcev F. Povest' o moej zhizni. Saint-Petersburg, 2014. 316 p.
- Lenin v Italii, Chechoslovakii, Pol'she: Pamjatnye mesta. Moscow, 1986. 171 p.
- Lenin v zhizni: Sistematizirovannyj svod vospominanij sovremennikov, dokumentov jepohi, versij istorikov. Moscow: OLMA-Press, 2004. 637 p.
- Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 55 t. T. 26. Moscow: Izd-vo polit. literatury, 1969. 707 p.
- Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 55 t. T. 49. Moscow: Izd-vo polit. literatury, 1964. 591 p.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

- Magadeev I.Ie. Pervaja mirovaja kak total'naja vojna // Novaja i novejsaja istorija. 2014. N 4. P. 3–16.
- Mangejm-1914 // Shahmaty v SSSR. 1991. N 11.
- Ministerstvo inostrannyh del Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny: Sbornik dokumentov / Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. Tula: Akvarius, 2014. 960 p.
- Mobilizovannaja Evropa // Sovremennoe slovo. 1914. 19 ijulja.
- Mogilenskij E.A. Dnevnik zalozhnika: 7 mesjacev plena v Karlsbade. Petrograd: Tip. «Dvigatel'», 1915. 226 p.
- Nagornaja O.S. Rossijskie voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Germanii / Dis... d-ra ist. nauk. Cheljabinsk, 2011.
- Nakanune // Sovremennoe slovo. 1914. 18 ijulja.
- Nashe mshhenie // Utro Rossii. 1914. 27 avgusta.
- «Nemeckaja armija... mozhet konkurirovat' s voinami kannibalov» // Voenno-istoricheskij zhurnal. 1998. N 3. P. 21–31.
- Ohota na nemcev // Russkie vedomosti. 1914. 12 oktjabrja.
- Ozverevshie nemcy // Novoe vremja. 1914. 11 avgusta.
- Palikova T.V. M.V. Tanskij o prebyvanii russkih v Germanii v nachale Pervoj mirovoj vojny // Vestnik Burjatskogo universiteta. 2014. N 7. P. 74–78.
- Petrova A.A. Posrednicheskaja i humanitarnaja dejatel'nost' Ispanii v gody Pervoj mirovoj vojny v vosprijatii rossijskoj obshhestvennosti (po materialam gazety «Novoe vremja» za 1914–1917 gg.) // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 2015. N 3. P. 68–73.
- Pis'ma k blizhnim // Novoe vremja. 1914. 27 sentjabrja.
- Plohotnjuk T.A. Rossijsko-germanskije transgraničnye peremeshhenija naselenija (1871–1925 gg.): Istoriko-komparativnyj analiz. Dis... doktora ist. nauk. Stavropol', 2004.
- Preterpevshie v Germanii učenicy gimnazii // Novoe vremja. 1914. 13 oktjabrja.
- Prishvin M.M. Dnevnik. 1914–1917. Saint-Petersburg: Rostok, 2007. 604 p.
- Proklamacija shtutgartskogo policmejstera // Novoe vremja. 1914. 11 sentjabrja.
- Rezanov A.S. Nemeckije zverstva. Petrograd: M.A. Suvorin, 1914. 220 p.
- Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 13159. Op. 4. D. 222, 860.
- Russkie uchitelja za granicej. Vozvrashhenie domoj. Moscow, 1915.
- S poslednim poezdom // Rech'. 1914. 29 ijulja.
- Solov'ev Ju.Ja. Vospominanija diplomata. Moscow, 1959. 415 p.
- Spisok russkih poddannyh, zastignutyh vojnoj za granicej. Vyp. 4 (s 13 po 30 sentjabrja 1914 goda). Petrograd: Tip. V.F. Kirshbauma, 1914. 44 p.
- Strahovich A.I. V Berline vo vremja vojny. Petrograd: Zhen. tip., 1914. 88 p.
- Trockij L.D. Moja zhizn'. Opyt avtobiografii. Moscow, 1991. 624 p.
- V nemeckom plenu. Moscow: GPIB, 2015. 221 p.
- V Rostoke // Russkie vedomosti. 1914. 5 sentjabrja.
- V strane dikarej // Novoe vremja. 1914. 14 avgusta.
- Večernee vremja. 1914. 13 oktjabrja.
- Večernijaja hronika // Novoe vremja. 1914. 8 avgusta.
- Vozvrashhenie na rodinu // Russkie vedomosti. 1914. 6 avgusta.
- Vpečatlenija o Germanii nakanune ob#javlenija vojny // Russkie vedomosti. 1914. 6 avgusta.
- Zverstva nemcev // Novoe vremja. 1914. 12 avgusta.